

© Э.В. КЕЛЬМЕТР

elvirka@nextmail.ru

УДК 821.161.1

**МЕДИЦИНСКАЯ МЕТАФОРА
В ПОЭЗИИ ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО**

**MEDICAL METAPHOR IN POETRY
BY INNOKENTY ANNENSKY**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу структуры и семантики медицинской метафоры в лирической системе Иннокентия Анненского. Под медицинской метафорой понимается лирический образ, имеющий в своей основе медицинский термин, но применяемый для выражения лирического переживания. Выявляются функции медицинской метафоры в структуре поэтического мира отдельного стихотворения и в эстетической системе Анненского в целом. При этом антропологическая тематика и поэтика Анненского рассматриваются на фоне широкого интереса позитивистской науки конца XIX в. к вопросам физиологии и психологии человека (труды Г. Гельмгольца, Э. Маха, Р. Авенариуса, И. Сеченова и др.), распространения медицинского дискурса в публицистических и философских текстах. Основное внимание уделено проблеме освоения естественнонаучного дискурса поэзией русского символизма в связи с новым представлением о содержании лирического переживания и новым пониманием характера лирической субъективности («нутряной лиризм», по определению И. Анненского).

SUMMARY. The article is devoted to the analysis of structure and semantics of a medical metaphor in Innokenty Annensky's lyrical system. The medical metaphor is understood as the lyrical image based on medical term but applied to express lyrical experience. Functions of a medical metaphor in structure of the poetic world of the separate poem and in Annensky's esthetic system as a whole come to light. Thus Annensky's anthropological poetics is considered against wide interest of positivistic science of the end of the XIX century to questions of physiology and psychology of the person (G. Helmholtz, E. Makh, R. Avenarius, I. Setchenov's works, etc.), penetration of a medical discourse in publicistic and philosophical texts. The main attention is paid to a problem of assimilation of natural-science discourse by poetry of the Russian symbolism in connection with new idea of the content of lyrical experience and new understanding of nature of lyrical subjectivity («internal lyricism» by I. Annensky's definition).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Медицинская метафора, телесность, эмпирический опыт.
KEY WORDS. Medical metaphor, physicality, empirical experience.

Иннокентий Анненский-критик одним из первых в России указал на обновление поэтического языка, признавая, что поэзия эволюционирует*, как и все другие области человеческого духа [1; 205]. На смену нагромождению метафор, общих мест, скучных гипербола, с помощью которых поэты выражали условные чувства, приходит стремление к поиску «точных символов для *ощущений*, т.е. реального субстрата жизни» [1; 206]. Такое качество новой поэзии получает у И. Анненского название «нутряного лиризма» [1; 351], напоминающего о животной природе человека, в противоположность риторичности старого поэтического слова, прошедшего через метафорическое осмысление. В поле зрения поэта оказывается вещественность мира, которую он воспринимает пятью данными ему чувствами, и, неизбежно, сами эти чувства. Человеческое тело как инструмент познания дает художнику новый опыт, который трудно выразить старыми поэтическими средствами, лишенными эмпирического основания. Одним из источников обновления поэтического языка И. Анненского становится язык медицины, развивавшейся во второй половине XIX в. на волне позитивизма.

Позитивизм основывался на отрицании метафизики, шел по эмпирическому пути познания, а на человека смотрел как на произведение природы, продукт эволюции (учение Ч. Дарвина и его последователей). «Происхождение видов» Ч. Дарвина стимулировало научные и медицинские исследования по анатомии, физиологии и психологии человека (Г. Гельмгольц, В. Вундт, Р. Авенариус, Э. Мах, М. Сеченов). Ученые пытались не только установить механизм взаимодействия человека с миром, законы его физической и психической жизни, но и с их помощью раскрыть сущность и истоки художественного творчества (Г. Гельмгольц. «Учение о слуховых ощущениях как физиологическая основа для теории музыки»; Э. Мах. «Анализ ощущений и отношение физического к психическому»; М. Нордау. «Вырождение» и др.). Естествоиспытатели представляют свои наблюдения и научные открытия как философские учения (М. Бубер, Р. Каснер, Э. Мах), а философию стремятся разрабатывать как строгую науку, подобно естественнонаучным дисциплинам (Р. Авенариус). Естественнонаучные сочинения часто представлены в жанре философской прозы, которая позволяет установить связь между эмпирической картиной мира и бытийными универсалиями [2; 5].

Подобные исследования неизбежно пересекались с исследованиями человеческого тела как инструмента, позволяющего получить конкретное эмпирическое знание о мире. Медицина как наука о человеческом теле и душе (психология, психопатология) быстро развивается, проникает во многие сферы общественной и индивидуальной жизни людей.

В XIX в. медицина становится социальной дискурсивной практикой: сообщения об открытиях в этой области появляются на страницах газет и журналов. С 1802 по 1830 гг., за полвека до появления специализированных журналов, научно-медицинские заметки печатал «Вестник Европы» (о шотландских мумиях, Гальвани, Ламарке, чудесном зрении некоего индийца Г. Ботини и др.), затем получили распространение медицинские журналы («Московская меди-

* Слово «эволюция» по отношению к поэзии употребляет сам И. Анненский. Думается, это один из случаев проецирования научных открытий (эволюционное учение Дарвина) на области духовной деятельности человека.

цинская газета», «Медицинский вестник», «Современная медицина», «Врач» и др.), публиковавшие значимые исследования европейских авторов, а также отечественных естествоиспытателей и врачей (труд И.М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» и др.) [3]. Это неизбежно подрывало представление о человеке как божием творении, а потому устраняло многие табу, связанные с человеческим телом (запреты на вскрытие тела как его осквернение, на наготу, на телесные выделения и реакции, гендерные телесные табу и пр.).

Следует также отметить, что представление о человеческом теле как поле для экспериментов поддерживалось не только специализированными журналами, но и общественными медиа того времени — газетами. В российских газетах, как отмечает И.А. Паперно, с 30-х гг. XIX в. стали печататься сообщения о самоубийствах, и пик их приходится на 1860-1880-е годы, когда фиксируется эпидемия самоубийств в России [4; 99]. Публицисты того времени связывали это с особенностью исторического момента и активно пользовались медицинскими метафорами «общественного недуга», «язв на теле общества» и т.п. [4; 101]. Одной из составляющих таких сообщений было описание состояния тела и причин смерти, заимствованное по обыкновению из отчетов о судебно-медицинском вскрытии [4; 108]. Так, человеческое тело являлось теперь не неприкосновенным вместилищем души, но материалом, подверженным разложению и изучению, медицинским препаратом; более того, снимался запрет на словесное изображение покаленного, больного, разлагающегося тела.

Сама медицинская профессия, по замечанию составителей сборника «Русская литература и медицина: тело, предписания, социальная практика», обладала риторико-коммуникативной спецификой за счет необходимости переводить язык науки на язык, понятный простому человеку, пациенту [5; 12] (ср. также представления о способности врача заговаривать болезни). Проникновение медицинского речевого дискурса в газеты, журналы способствовало его укоренению в сознании человека, оказывая на него дополнительное императивное воздействие и принуждая говорить о себе языком науки.

Эволюционирует, говоря словами И.Ф. Анненского, и искусство, и, в частности, поэзия. Теперь она говорит о веществе жизни — о теле, его дефектах, его смертности и смерти: «Строгая богиня красоты уже не боится наклонять свой розовый факел над уродством и разложением» [1; 206].

Сам поэт для описания жизни тела, эмпирического опыта использует медицинские термины и словосочетания, то вводя их в текст стихотворения в прямом значении, то конструируя на их основе метафоры. На использование Анненским научных терминов в одном ряду с высокими поэтизмами указывал Д. Благой, приписывая эту особенность влиянию декаданса и, в частности, лирики Ш. Бодлера [6]. Каким же образом входит медицинский текст в поэзию?

Медицинские предметы в лирике Анненского могут изображаться непосредственно, становясь художественной деталью (*кислородная подушка, ледышки на голове* — холодный компресс, *костыль*).

Так, в стихотворении «У гроба» деталью является кислородная подушка: «А из угла глядит, свидетель агоний, // С рожком для синих губ подушка кислорода» [7; 33]. В стихотворении детально воссоздана история болезни: сердечная болезнь, признаком которой является синий цвет губ, использование кислородной подушки при удушье, агония. Симптомы, воспроизведенные в тек-

сте, выражены терминами, лишенными метафорического смысла. После смерти человека остаются лишь предметы, в художественном тексте предмет становится субъектом действия (глядит подушка кислорода), подменяет человека. Интересна в данном тексте персонификация Смерти: «*На консультации вчера здесь Смерть была // И дверь после себя оставила открытой...*» [7; 33]. Приход смерти облекается в медицинскую метафору консультации, после которой остается открытой дверь (путь для выноса покойника). В данном контексте смерть=врач, ибо она избавляет больного от страданий. В другом стихотворении, «Сила господняя с нами...», собеседник лирического героя, страдающего от кошмаров, также предлагает ему избавление от мук: «*Может быть, сердце врача, // Муки твои облегу я, // Телу найду врачеванье...*» [7; 139]. Несмотря на табу называния имени («*Шепчет порой и названье, // Да повторять не хочу я...*»), за ним угадывается та же Смерть (ср. в варианте стихотворения: «*С нами, где я расстаюанье // С жизнью порой начинаю*» [7; 140]).

Симптом болезни воссоздается в стихотворении «На полотне», изображающем старуху мать, похоронившую сына: «*И с анкилозами на пальцах две руки // Безвольно отданы камина жгучей ласке...*» [7; 148]. Медицинским термином описана неподвижность *сведенных кистей рук*, он становится портретной деталью, как и *сизые и пурпурные краски мешков под глазами*. Анкилоз — неподвижность суставов — является, с одной стороны, яркой портретной характеристикой, с другой, обогащаясь лирическим сюжетом, — метафорой неподвижной, закаменевшей души.

Медицинский подтекст, вскрываемый метафорой, имеет и цикл стихотворений в прозе Анненского, которые, как установил А.В. Федоров при помощи искусствоведа В.М. Красовской, являются переводами стихов итальянской поэтессы Ады Негри [8; 202]. Поэт дает циклу стихотворений название «Autopsia», что значит «вскрытие». Кроме прямого значения (речь идет о первом стихотворении цикла, которое построено как обращение умершей к «лекарю», производящему вскрытие тела [9; 80]), вероятно, здесь этот термин обозначает вскрытие социальных проблем (такой характер носила поэзия итальянской поэтессы): А.В. Федоров обнаруживает поздненародническое направление мысли в этих текстах [8; 202]. Стремление вскрыть «язвы» на теле общества — одно из возможных объяснений выбора такого названия для цикла*. Метафора язвы как социального порока появляется в стихотворении Анненского «Бессонные ночи», описывающем суету покидаемого в конце дня присутственного места, со всей лживостью и притворством его обитателей: «*Опять там улыбались язве // И гоготали, славя злость*» [7; 162].

Иннокентий Анненский вводит в поэтическое ольфакторное пространство запах фенола — карболовой кислоты, широко использовавшейся в медицине со

* Известны гораздо более ранние случаи влияния научного и медицинского дискурса на литературу. В частности, поводом для написания романа М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» послужила беседа автора с друзьями мужа о гальванических экспериментах философа Эразма Дарвина. Отмечается также влияние физиологических и медицинских исследований на прозу Эдгара Аллана По (см. Уракова А.П. Поэтика ощущений: проза По в контексте физиологического дискурса романтической эпохи [10]).

второй половины XIX в. как антисептик*. Запах фенола у поэта сопровождает похоронные обряды («Баллада», «У Св. Стефана»), смешивается с ароматами цветов, отравляя их: «И крался дыханьем фенол // В дыханья левкоев и лилий...» [7; 167]. Здесь читается автореминисценция. В статье «О современном лиризме» Анненский-критик ставит запахи на место старых поэтических ароматов: «Я, конечно, пропускаю все строки об ароматах — где скучно было бы отличать элементы псевдолирического, риторики, или просто-напросто клише от подлинного, нового, нутряного лиризма. Я говорю только о запахе, о нюханье...» [1; 351]. По мнению Н.А. Рогачевой, поэт был первым, кто противопоставил ароматы и запахи в поэзии, указав тем самым на обновление ее языка [11; 214]. Запах фенола ассоциируется со смертью и разложением, он становится атрибутом смерти: «Будь ты проклята, левкоем и фенолом // Равнодушно дышащая Дама!» [7; 79]. Символистский образ Прекрасной Дамы, дышащей духами и туманами, у Анненского превращается в образ Дамы, от которой веет запахом смерти, в саму Смерть. Дама Анненского, по словам А.Е. Аникина, — подмена воплощенного петербургского чуда, блоковской Незнакомки [12].

Само творчество интерпретируется Анненским как процесс болезни и описывается при помощи медицинских терминов. Так, в стихотворении «Зимние лилии» цветы, испускающие аромат (льющие напиток благовонный, яд) становятся Иппокреной, источником поэтического вдохновения: «И из кубка их живого // В поэтической оправе // Рад я сладостной отраве // Напряженья мозгового...» [7; 51]. Вдохновение — это не полет души, но мозговое напряженье, мускульное усилие («Давно под часами усталый // Стихи выводил я отцу...» [7; 50]), нервный зуд кожи («Мне тихо по коже старуха // Водить начинает пером...» [7; 50]) [13], [14]. Мотив выпивания поэтического кубка у Анненского тесно переплетается с мотивами отравления запахами цветов, вливания их напитка в уста поэта, испития чаши судьбы («С четырех сторон чаши») и библейским мотивом жертвенной чаши («Когда до капли оцет допит...» [7; 45]), чаши забвения, творческого сна [15; 132].

Наряду с классическими мотивами в стихотворении «Nox vitae» возникает новый мотив переливания крови: «Отраднa тень, пока крушин // Вливает кровь в хлороз жасмина...» [7; 83]. Медицинская метафора строится на сочетании термина в его прямом значении (хлороз — болезнь растений) и терминологического сочетания (вливают кровь) в переносном значении смешения красного цвета ягод крушины и желтых или бурых (последствия хлороза) цветов листьев жасмина. Переливание крови, которое должно было дать жизнь, не лечит, ночь жизни (nox vitae) превращается в ночь смерти, яркие краски выцветают («Как ночь напоминает смерть // Всем, даже выцветшим покровом...» [7; 83]). Так, между мотивами выпивания (вливания в уста) и переливания крови возникает генетическая связь, ни то ни другое не ведет к выздоровлению, но, напротив, к смерти (смерть человека для рождения пророка, смерть, когда допита чаша судьбы, жертвенная смерть поэта от оцета).

* Это открытие принадлежит английскому врачу-хирургу Джозефу Листеру, который в 1865 г. впервые при проведении операции использовал фенол в качестве антисептика.

Медицинская метафора есть способ облечь «нутряной лиризм» в поэтическое слово. Она проникает в ткань поэзии Анненского как способ очерчивания границы, в которой существует человеческое тело: будучи здоровым, оно не интересует поэта и как бы не существует, болезнь же наполняет его символизмом пророчества. Носителями речи, истины у Анненского становятся *кондуктор однорукий, оборванец на деревяшке* («Тоска вокзала» [7; 88], «Гармонные вздохи» [7; 155]). Больное тело обретает способность говорить иным способом — через свои реакции, увечья, что актуализируется использованием медицинской лексики («*А мы уж, значит, к выписке... // С простреленной ногой...*» [7; 157]). Называние болезни или ее симптомов есть способ выразить жизнь в «концентрированном» виде, это интенсивное бытие, а также гарантия подлинности бытия.

Самоидентификация через болезнь накладывает отпечаток и на мировосприятие героя И. Анненского. Вещественный и природный мир также оказываются подверженными болезни, проявляют ее симптомы: *чахлые сады и цветы* («Сентябрь», «Ненужные строфы», «Квадратные окошки», «Сирень на камне»), *болезненная желтизна* утра, солнца, луны («Ноябрь», «Пробуждение», «Декорация»), заболевания растений — *хлороз жасмина, гусеницы, усохшая яблоня* («*Nox vitae*», «Гармонные вздохи»), *дрожь трав* («За оградой»), *раны тумана, зари* («За оградой», «Серебряный полдень», «Призраки», «Дремотность»), *озноб шарманки* («Старая шарманка»). Использование медицинского языка для изображения себя, своего тела и мира есть, по-видимому, начало новой традиции искусства XX века, на которую Е. Фарино указывает как на переход к невербальной (соматической) системе моделирования мира, где Слово, Логос — только цель, к которой стремится изначально телесный человек [16; 246].

Осваивая новый язык, Анненский конструирует сложные метафоры, которые рождаются на пересечении прямого терминологического значения слова и его художественного осмысления, его перевода на язык поэзии. Медицинская метафора является тем символом, который Анненский искал для выражения «реального субстрата жизни», так как она апеллирует к реальному эмпирическому опыту автора (читателя), вскрывает антропологическую суть самого приема перенесения свойств одного предмета на другой — то, что Х.Д. Риндисбахер назвал неявной антропологической предрасположенностью метафоры [17; 587].

Использование медицинской метафоры в поэтическом тексте позволяет дать еще одну характеристику лирическому герою Анненского: он не просто «слабый сын больного поколения», но пациент, не получающий исцеления в привычном смысле слова: в роли «врача» выступают чаще всего смерть, ночь («*А ты, волшебница, налей // Мне капель чудного забвенья...*» [7; 51], «*Хоть бы ночь, скорее ночь...*» [7; 101]). Язык медицины оказывается адекватным мироощущению поэта, с одной стороны, как способ выражения «нутряного лиризма», описания «реального субстрата жизни», с другой, — как индикатор кризисного сознания художника, пытающегося уместить этот «субстрат» в рамках традиционных поэтических форм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анненский И.Ф. Книги отражений. М.: Наука, 1979. 679 с.
2. Жеребин А.И. Вертикальная линия: Философская проза Австрии в русской перспективе. СПб.: Миръ; ИД СПбГУ, 2004. 304 с.

3. Мирский М.Б. Медицинские журналы // Большая советская энциклопедия. URL: <http://www.big-soviet.ru/462/49187/Медицинские%20журналы> (дата обращения 25.11.2013).
4. Паперно И.А. Самоубийство как культурный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 252 с.
5. Русская литература и медицина: тело, предписания, социальная практика / Под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М.: Новое издательство, 2006. 500 с.
6. Благой Д. Анненский Иннокентий Федорович // Литературная энциклопедия. Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/FEB/LITENC/ENCYCLOP/le1/le1-1642.htm> (дата обращения 25.11.2013).
7. Анненский И. Ф. Избранные произведения. Л.: Художественная литература, 1988. 733 с.
8. Федоров А.В. Искусство перевода и жизнь литературы: очерки. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1983. 352 с.
9. Федоров А.В. Иннокентий Анненский: личность и творчество. Л.: Художественная литература, 1984. 255 с.
10. Уракова А.П. Поэтика ощущений: проза По в контексте физиологического дискурса романтической эпохи // Труды Русской антропологической школы. 2009. Вып. 6. М.: РГГУ. С. 414-430.
11. Рогачева Н.А. Проблема поэтики запаха в литературно-критической прозе Иннокентия Анненского // Вестник Тюменского государственного университета. Серия «Филология». 2010. № 1. С. 213-220.
12. Аникин А.Е. «Незнакомка» А. Блока и «Баллада» И. Анненского // Иннокентий Анненский. Открытое цифровое собрание. URL: http://annensky.lib.ru/names/anikin/anikin_1991.htm (дата обращения 25.11.2013).
13. Кривич В. Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам // Иннокентий Анненский. Открытое цифровое собрание. URL: <http://annensky.lib.ru/names/krivich/krivich2-1.htm> (дата обращения 25.11.2013).
14. Ларинский Н.Е. «Я — слабый сын большого поколения...». История болезни Иннокентия Анненского // Иннокентий Анненский. Открытое цифровое собрание. URL: <http://annensky.lib.ru/notes/larinsky.htm> (дата обращения 25.11.2013).
15. Козубовская Г.П. Рубеж XIX–XX веков: миф и мифопоэтика. Барнаул: АлтГПА, 2011. 318 с.
16. Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 639 с.
17. Риндисбахер Х.Д. От запаха к слову: моделирование значений в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» // Ароматы и запахи в культуре: в 2 кн. Кн. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 658 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Annenskij, I.F. *Knigi otrazhenij Books of reflection*. Moscow: Nauka, 1979. 679 p. (in Russian).
2. Zherebin, A.I. *Vertikal'naja linija: Filosofskaja proza Avstrii v russkoj perspektive* [Vertical line: Philosophical prose Austria in the Russian perspective]. St.-Petersburg, 2004. 304 p. (in Russian).
3. Mirskij, M.B. *Medical journals // Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija* [The Great Soviet Encyclopedia: poster]. URL: <http://www.big-soviet.ru/462/49187/Медицинские%20zhurnaly> (accessed 25.11.2013). (in Russian).
4. Paperno, I.A. *Samoubijstvo kak kul'turnyj institut* [Suicide as a cultural institution]. Moscow, 1999. 252 p. (in Russian).
5. *Russkaja literatura i medicina: telo, predpisanija, social'naja praktika* [Russian literature and medicine: body, regulations, social practice] / Ed. by K. Bogdanov, Ju. Murashov, R. Nikolozzi. Moscow, 2006. 500 p. (in Russian).

6. Blagoj, D. Annensky Innokenty Fedorovich. URL: <http://feb-web.ru/FEB/LITENC/ENCYCLOP/le1/le1-1642.htm> (accessed 25.11.2013).
7. Annenskij, I.F. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad, 1988. 733 p. (in Russian).
8. Fedorov, A.V. *Iskusstvo perevoda i zhizn' literatury: ocherki* [Art of Translation and Life of Literature: Essays]. Leningrad, 1983. 352 p. (in Russian).
9. Fedorov, A.V. *Innokentij Annenskij: lichnost' i tvorcestvo* [Innokenty Annensky: personality and creativity]. Leningrad, 1984. 255 p. (in Russian).
10. Urakova, A.P. Poetics of sensations: Prose of Poe in the context of physiological discourse of the Romantic era // *Trudy Russkoj antropologicheskoi shkoly — Proceedings of the Russian anthropological school*. 2009. № 6. Pp. 414-430. (in Russian).
11. Rogacheva, N.A. The problem of the "smell" poetics in the literary-critical prose of Innokenty Annensky. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2010. № 1. Series «Philology». Pp. 213-220. (in Russian).
12. Anikin, A.E. «Stranger» by Alexander Blok and «Ballad» by Annensky. URL: http://annensky.lib.ru/names/anikin/anikin__1991.htm (accessed 25.11.2013).
13. Krivich, V. Innokenty Annensky: family memories and handwritten materials. URL: <http://annensky.lib.ru/names/krivich/krivich2-1.htm> (accessed 25.11.2013).
14. Larinskij, N.E. «I am a weak son of an ill generation...». Innokenty Annensky's medical history. URL: <http://annensky.lib.ru/notes/larinsky.htm> (accessed 25.11.2013).
15. Kozubovskaja, G.P. *Rubezh XIX–XX vekov: mif i mifopojetika* [The XIX–XX centuries: Myth and mythopoetics]. Barnaul, 2011. 318 p. (in Russian).
16. Farino, E. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to Literature]. St.-Petersburg, 2004. 639 p. (in Russian).
17. Rindisbahe, H.D. The smell of the way : the values in the modeling Patrick Suskind's novel «Perfume» // *Aromaty i zapahi v kul'ture: v 2 kn. Kn. 2* [The flavors and smells in the culture: in 2 vol. Vol. 2]. Moscow, 2010. 658 p. (in Russian).

Автор публикации

Кельметр Эльвира Викторовна — аспирант кафедры русской литературы Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета

Author of the publication

Elvira V. Kelmetr — Post-graduate Student, Department of Russian Literature, Institute for Philology and Journalism, Tyumen State University